

19. SELF-MADE БЕЛОРУС

Существует место в нашей стране, где так называемые «новые» белорусы стоят в общей очереди с белорусами «старыми». Сие невероятно, однако я сам видел. Уникальное место находится под контролем ГАИ. Ошибаетесь, это не перекресток, где водители, выстроившись равноправным гуськом, должны ждать, пока загорится зеленый. Тут «новый» белорус на крутой иномарке обязательно тебя, «старого» белоруса, нагло подрежет, объедет, оттеснит, чтобы не заминал ему на пути к жизненным благам.

В Минской ГАИ имеется «площадка для снятия и постановки автомобилей на учет». Сюда обязаны прибыть на своей машине те, кто решил ее продать, и те, кто уже купил. Немногословный служитель госавтоинспекции прикажет водителю поднять капот, сверит с документом номер кузова (если под капотом грязно и номер плохо виден, заставит вытереть), черкнет в бумаге подпись -- и вальяжной походкой пойдет к следующему автомобилю.

Надо терпеливо ждать в очереди, не роптать, не качать права человека, а то гаишник может сказать, что номер кузова не читается, стерт, и предложит проверить по компьютеру, провести экспертизу. Чаще всего подобная канитель грозит дорогим иномаркам, неоднократно перекупленным, пригнанным из-за границы под заказ. Среди них немало украденных, объявленных в международный розыск. Владельцы, «новые» белорусы, осознают опасность процедуры постановки автомобиля на учет, ведут себя непривычно скромно.

Итак, к гаишнику выстроились разномастные автомобили, все чистенькие. Перед моей «девяткой» стоит огромный джип, оцетиненный антеннами и напоминающий серебристый модуль космической станции. Джип стоит за маленьким, подкрашенным кисточкой, «Москвичом», похожим на приплюснутый электроутюг 1972 года выпуска, на котором навеки отлита в металле цена в 2 руб. 85 коп., демонстрирующая стабильность командной экономики.

В «Москвиче» сидят двое мужчин примерно одинакового возраста, лет по сорок пять, худые лица, усики подковкой, оба курят. Что делается внутри джипа, не видно за черными стеклами, оттуда глухо доносится мощная музыка. Автомобили, с остановками, ближе и ближе, продвигаются к гаишнику. А вот и он!

Из «Москвича» вылезают двое. Тот, кто был за рулем, следовательно, владелец, открывает капот. Второй приседает на корточки, заглядывает под багажник. Следовательно, покупатель еще раз осматривает железное приобретение. Джип подъезжает сзади вплотную, разом открываются четыре двери, изнутри вываливается пятеро парней, все ежикоголовые, с налитыми шеями и щеками, с растопыренными локтями, в кожаных куртках.

Окружают «Москвич», один серьезно спрашивает владельца: «Слышь, мужик, за сколько тачку продаешь?» -- «Двести баксов»,-- отвечает тот. Пятеро красномордых хором начинают хохотать, каждый

на индивидуальный манер: повизгивая, сморкаясь, сплевывая, хватаясь за живот, трясясь телесами...

На площадке ГАИ мы, читатель, и встретили героев моей хроники. Self-made men -- так называют их в западном мире. Люди, сделавшие себя сами. Люди, добившиеся материального успеха, ставшие известными в обществе. Я говорю не о пятерых «качках», они еще ничего не сделали, лишь перепродали, толкнули, а то и украли, отобрали, выманили.

Люди, сделавшие себя сами, -- те двое, что под улюлюканье пятерых уехали на стареньком «Москвиче» в следующую очередь, столь любимую госавтоинспекцией. Именно их, с учетом белорусской специфики, я называю: self-made белорус.

Два с половиной часа мы стояли в змеевидной очереди к окошку, где молчаливый гаишник не спеша принимал у нас заявления, квитанции об уплате пошлины и услуг, старые автомобильные номера, проверял наши паспорта, водительские удостоверения, доверенности, отпечатки пальцев, обязательную страховку, свидетельства о браке, мускулатуру (у женщин -- упругость груди), трудовые книжки, сетчатку глаз, военные билеты, зубы...

Если я что-то добавил, то это от усталости, обреченности. Если гаишник что-то и не проверял у нас наяву, то мысленно уж точно проверял. В ГАИ мастерски оскорбляют очередь достоинство человека.

В очереди я познакомился с соседями -- двумя мужчинами из «Москвича». Сблизились мы, наверно, потому, что я был свидетелем их унижения на площадке, и мужикам необходимо было выговориться. Кроме того, нас, как говорится, роднило то, что моя продаваемая «девятка» по автомобильной иерархии находилась на одной ступени с утюгом, а не космическим аппаратом. Оба звались Николаями. Один, как я угадал раньше, продавал «Москвич», другой покупал. Для удобства я назову своих героев: Николай-продавец, Николай-покупатель.

Оба Николая понимали, что пятеро лбов унизили их преднамеренно, с вызовом. Но их ответная ненависть была спокойной, мудрой. В выработке модели поведения Николай-продавец наставлял Николая-покупателя: «Ты принимай таких сук, как дождь, -- он показывал глазами в сторону одного из пятерых обидчиков, стоявшего в очереди, остальные, видимо, сидели в джипе. -- Например, пошел дождь -- открывай зонтик, шагай дальше. Нет зонтика -- прячься под навес. Не мокни зря! Я это уже знаю, как дважды два. Например, явились такие суки за своим куском. Или другие -- милиционеры, пожарники, налоговики, санстанция... Натяни кусок, подавись. Не дашь -- оштрафуют, закроют, проколют колеса в машине. Эти -- сожгут киоск. А могут изнасиловать дочку. Жрите, суки. Я себе заработаю».

«Суки» Николай произносил с негромким, уверенным, бессмертным презрением, похожим на вечный, неистребимый, оптимистический шум листвы под дождем, о котором он говорил другу Николаю. Да, они были не только продавец и покупатель, но и друзья, и соседи по квартире, и бывшие коллеги-токари Минского тракторного завода. Их пути разошлись в апреле

1991 года, когда оба в многотысячной толпе рабочих ходили на площадь Ленина требовать у правительства снизить резко увеличенные цены на продукты. Простояв на площади по три смены и ничего не добившись, они ушли оттуда разными людьми.

Николай-продавец уволился с завода, пошел сумку-громадину, нагружал ее барахлом, возил в Польшу продавать. Три раза в неделю на автобусе туда и назад! Два года без сна, без отдыха, в поисках товара, в торговой лихорадке. Через два года купил «Москвич». Новый. У него хорошая подвеска, выдерживает почти тонну. На нем Николай-продавец возил хлеб, колбасу, бидоны с молоком, электротовары, батареи отопления, облицовочную плитку, обои, автозапчасти, стиральные порошки, мебель...

Сначала возил товар из Беларуси в Польшу. Когда жизнь в Польше наладилась, возил товар оттуда в Беларусь, где жизнь пошла туда, куда он не захотел. Его бизнес перешел в новую фазу. В микрорайоне тракторного завода Николай-продавец поставил киоск, посадил торговать старшую дочь, а сам мотался на автомобиле в Польшу, в Россию, в Германию, в Литву, в Молдавию, в Болгарию...

Пару раз наш разговор прерывал звонок его мобильного, Николай отходил в сторону поговорить. Возвратившись, сообщал, что звонили партнеры из Варшавы и Смоленска: готов товар, надо ехать. Надо срочно брать семилетнюю «Ауди», которую присмотрел на рынке. Нет свободной минуты, однако полдня убил на оформление «Москвича», хотя это можно сделать за полчаса, если бы у нас ценили человека.

Николай-покупатель тоже нервничал из-за очереди. Он отпросился у начальника участка на два часа, но ясно, что не успеет. Не хотелось злить начальство. Заявление об увольнении месяц лежит в отделе кадров, подписывать не хотят, потому что классных токарей в цеху не осталось. Месяц прошел, по закону можно не являться на работу, трудовую книжку забрать потом. А вдруг осерчают и не отдадут? Николай-продавец по-дружески подкалывал: «На кой тебе эта книжка? Я выпишу новую. А пенсию насобираешь. Сам! Послезавтра садимся за руль, я на «Ауди», ты на «Москвич», гоним в Варшаву за товаром».

Видно, что друзья вели спор затяжной. Я подвернулся им как внимательный слушатель. Для меня Николай-продавец добавлял про друга с иронией: «Двенадцать лет уговариваю, а он боится. Очень любит родной завод! Директора любил больше всех. Бывшего, Леонова -- тот красиво выступал перед работягами. Если бы Леонова не посадили за воровство, Николай не ушел бы с завода. Так и ходил бы на выборы. Выбирал бы благодетеля. -- Обращался к другу: -- Из кого, Коля, выбирать?! Вспомни, как в 91-м Кебич по-дурацки алёкал нам в микрофон! Ты выбрал Лукашенко, за это он тебе положил зарплату сто баксов. А тебе цена не сто в месяц, а пятьсот, например. Покрутишься со мной -- будешь иметь. -- Обращался ко мне: -- Я двенадцать лет не хожу на выборы. На всякие! Ничего не потерял. Зато знаю, где искать. И его туда тяну. Заставил получить права шофера. Ну что за мужик без машины! Продав ему по дешевке «Москвич». Отдам полку в киоске, пока свой не поставит. А как поставит -- триста баксов на человека в семью прибудет. Можно учить обоих сынов. Я учу в институтах три дочери.

Откладываю по сотке-две на пенсию. Заставят убрать киоск -- пойду в павильон. Увеличат квартплату -- выдержу. Один умник придумал налог на мобильник -- бери, радуйся. Это твой потолок, например. А мы знаем, как выжить без них. Не пропадем, Коля!..»

Оба Николая вспоминают 1991 год, апрель, забастовку. Происшедшее тогда накрепко отложилось в их памяти, толкнуло Николая-продавца развернуть свою жизнь в другую сторону, а Николая-покупателя поставило на перекресток, где он долго и мучительно выбирал жизненное направление.

Я тоже был с ними тогда на площади Ленина. Может, мы стояли рядом? Свои впечатления тогда же я и записал по журналистской привычке и по предчувствию, что с людьми происходит нечто кардинально важное. Изучаю по собственному репортажу историю современности:

«1 апреля был день смеха.

2 апреля был день шока, вызванного многократным повышением цен. Люди ходили по магазинам, чтобы убедиться: неужели родное государство способно на подобное действие? Да, способно, ибо никогда не было родным, народным. В очередной раз оно оставило своих граждан раздетыми, разутыми, голодными. Нищими.

3 апреля рабочие нескольких минских заводов бросили станки и вышли на улицу. Забастовка! Повысить зарплату!

4 апреля забастовка приняла массовый характер. Рабочие строились в колонны и шли в Дому правительства.

Движение транспорта по проспекту Ленина прекратилось. Рабочие шли в спецовках. Милиция организовала им «зеленую улицу».

Шла темно-серая масса, на которую опиралась правящая партия и от имени которой душила БНФ и ее лидера Позняка.

Решением Минского горисполкома митинги на площади Ленина запрещены. Однако никто не посмел не пустить на площадь рабочих. Не хотели накалять обстановку? Хотели уговорить?

Поначалу митинг шел спонтанно. Не было даже ведущего. Из динамика неслись призывы: «Горбачева -- в отставку!», «Дайте хлеба!», «Повысить компенсацию!»

К митингующим вышел председатель Совета Министров республики Вячеслав Кебич. Неизвестно, что он хотел сказать народу. Несколько раз он выкрикнул в микрофон неуместное слово «алло». Так говорят собеседнику, которого не видят и не слышат. Алёканье возмутило собравшихся. «Кебича -- в отставку!» Кебич обиделся и ушел.

Мало-помалу митинг начал работать. Избрали ведущих. Избрали стачком. Выработали пакет экономических и политических требований, переданных правительству.

Правительству был поставлен ультиматум: если до 10 апреля требования рабочих не будут выполнены -- состоится общегородская забастовка. Или даже республиканская.

Реакция властей оказалась незамедлительной. На следующий же день, 5 апреля, Президиум Верховного Совета БССР обнародовал постановление, подписанное Председателем ВС Николаем Дементеем. Полное название документа внушительно: «О серьезных упущениях при проведении реформы розничных цен и обеспечении социальной защиты населения Белорусской ССР».

Нельзя без грустной улыбки читать торопливый документ. Требования трудящихся признаны справедливыми, а действия руководителей предприятий -- неправильными. Не обеспечили-де успешное проведение реформы, не защитили рабочих от премьер-министра СССР Павлова.

В тот же день Совмин республики, посоветовавшись с профсоюзами, объявил о своих экспромт-намерениях: снизить в полтора раза введенные со 2 апреля розничные цены на детские товары (через пару дней это нелепое решение было отменено); уменьшить стоимость питания в рабочих, школьных, студенческих столовых; осуществить поэтапное повышение зарплаты в производственных отраслях.

Это -- несерьезно. Это даже не кость -- туфта. К трем миллиардам бюджетного дефицита правительство добавило еще столько же -- и получило шесть. И призвало: будьте, работяги, сознательны, не бастуйте, а то приведете республику к краху. Работайте -- и спасетесь.

Эта песенка знакома. И чтобы по городам и весям гуляла только она, чтобы по-прежнему дурачила люд, создавала информационный вакуум, -- минский стачком лишили пятнадцати минут прямого телеэфира. Нарушили договоренность. Обманули, не моргнув глазом.

10 апреля стачка в Минске возобновилась с новой силой. Участвовало 64 предприятия. На площади Ленина стояло 100 тысяч человек. Митинг шел весь день: на место первой смены заступила вторая.

Тихая стабильная Белоруссия удивила мир. Нигде в СССР не протестовали против повышения цен так активно и гневно, как рабочие Белоруссии.

Неужто прозрели, коль вышли на площадь и подняли над кудрями сжатые кулаки? А если все-таки сунуть каждому по костке -- разожмутся кулаки, схватят? И зашьются в панельные норы, и станут грызть, забыв о политике?

На то и была надежда правительства, изобретавшего очередную кость в зубы пролетариату.

Я был на площади. Слышал, что говорил народ. «Мы работали не покладая рук. А что имеем? Нищету! Нас заставила выйти на площадь жизнь» (рабочая электротехнического завода).

«Зовите нас не товарищи, а граждане» (записка, оглашенная на митинге).

«Без коренных экономических реформ мы не выйдем из болота» (рабочий завода имени Вавилова).

«Мы долго ждали, когда вы поддержите нас. Вот это, я вижу, люди — они проснулись!» (представитель бастующих шахтеров Донецка).

«Мы — не женщины. Из литеек. Если бы нас увидеть в рабочей одежде, нас можно испугаться. Я очень рада, что мы проснулись» (рабочая тракторного завода).

Я видел эйфорию их прозрения. День 3 апреля 1991 года стал днем истинной солидарности трудящихся Белоруссии. Эмоциональный подъем чрезвычайно высок. Это были эмоции созидания. На митингах — порядок, дисциплина. Чувствовалось, стачком контролировал ситуацию. И сам зрел, набираясь опыта.

Да, они бастовали. А их боялись. Перед ними заискивали. Их пытались расколоть, подкупить, запугать. Им вводили в уши до боли знакомое: в вашем стачкоме — экстремисты.

Хорошо, что Зенона Позняка не было в Белоруссии. В составе делегации народных депутатов он находился в Канаде. Если бы он был в Минске, официальная пропаганда непременно пустила бы утку: забастовку организовал Позняк.

Позняк прислал из Канады приветственную телеграмму. Она была зачитана на митинге. Рабочий класс дружно приветствовал лидера БНФ. Удивительные превращения!

Рабочий класс, кто же ты? Каково твое истинное лицо?

Пропаганда сказала: ты, рабочий класс, и есть экстремист. Потому что бастуешь. Нарушаешь стабильность мифического социализма. Стабильность антинародных порядков.

Газеты протрубили: рабочий класс, работай, а то подохнешь. Власть предупредила: если не выйдешь к станку, будет крах.

Если ли большее зло, чем власть, убеждающая народ продолжать бездумно, как скот, рыть котлован? Рыть себе могилу.

Забастовка — это отказ рыть котлован.

Забастовка — единственное средство, позволяющее народу освободиться от навязанной ему идеологии массового самоубийства, а бездарной антинародной власти — уйти подобра-поздорову.

Народ не может быть экстремистом, ибо народ ориентирован на продолжение самое себя. На жизнь, а не на погибель. Чего же хотел белорусский народ, который, как известно, спит долго и тем умиляет генсека в Москве, а проснувшись, неплохо партизанит?

Добиться от Президиума ВС БССР решения о созыве внеочередной сессии Верховного Совета, который объявит о своем самороспуске. Далее — выборы на многопартийной основе нового Совета. Далее — формирование правительства народного доверия.

Добиться цивилизованным путем цивилизованной жизни».

Таков репортаж из апреля 1991 года. Напомню: до распада Советского Союза оставалось 8 месяцев. Распада прогнившей донельзя экономической системы! И отнюдь «не преступного развала великой страны» Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем, как трактуют историческое событие наследники и продолжатели СССР, поныне стоящие у власти в Беларуси, оболванивающие народ по коммунистической методике.

Осенью 2003 года правительство Республики Беларусь взвинтило цены за коммунальные услуги до уровня, который президент в благородном коммунистическом гневе обозвал грабительским. Президент возмущается, а народ ... не вышел на площадь Независимости, не забастовал, как в 1991-м.

Не странный ли этот белорусский народ? Нет, он в привычной психологической форме. Он уже не пользуется утюгом 1972 года с вечно-незыблемой ценой, за ненадобностью выбросил на свалку такие же кастрюли, мясорубки, сковороды... Белорусы привыкли, что цены имеют свойство ползти вверх. Следующий раз они выйдут на забастовку, когда колбаса моментально подорожает в 1000 раз. А такое вряд ли возможно.

Массовая забастовка, а, следовательно, революционная смена власти по югославскому либо грузинскому сценариям у нас невозможны по причине белорусской толерантности. Синоним нашей толерантности -- долготерпение. Белорусы терпели многое, стерпят еще большее. Это сугубо личностное качество, оно не переходит на вид, род, народ.

Существенно то, что терпение белоруса не проходит бесследно. Если на рыбу в течение тысячелетий давить тяжелой толщей воды, она превращается в плоскую камбалу, оставаясь полноценной рыбой. Если беззащитную ящерицу выбросить из зеленой травы на голый серый песок, она тотчас из зеленой превратится в серую, незаметную на песке, -- и тем спасется. Под гнетом среды обитания выживает только сверхтерпеливый организм. Терпеть -- значит адаптироваться, приспособливаться, развивать новые качества. Значит, жить дальше.

Когда рыбы выползли на сушу и неуклюже пошли плавниками и хвостом, они стали добычей более ловких существ, вышедших на сушу раньше. Чтобы спастись, рыбы за тысячелетия превратили свои плавники в крылья и поднялись на деревья, покорили небо.

Чтобы отделиться от площади Ленина (Независимости), чтобы забыть связанные с ней наивные надежды, Николай-продавец отправился в Варшаву, затем сел на автомобиль, покорил СНГ, Европу. Сейчас за ним следует Николай-покупатель.

Белорусы освоили новый, более высокий виток адаптации. Раньше они терпеливо адаптировались главным образом к окружающей их природе, сейчас -- к природе свалившейся на них власти. Оба Николая социальным поведением показывают нам, что у них адаптация к чужеродной власти практически завершилась.

Из толерантности белоруса выросло равнодушие к общественно-политическому устройству страны. Моим героям все равно, какая персона

расположится в главном кабинете на улице Карла Маркса или на площади Независимости (Ленина). Они избавились от совковых ожиданий, саркастически смеются над обещаниями как власти, так и оппозиции. Их забота -- найти товар и привезти домой, где их ждут сорокапятилетние жены, похорошевшие от уверенности в завтрашнем дне, и дети, воспитанные в духе примитивного капитализма.

Из белорусской инфантильности выросли крылья, подняли моих Николаев на новую орбиту. Я так и представляю их -- высоко! На вершине их человеческого достоинства, куда они забрались сами, без помощи государства, наоборот, преодолевая государственные препоны. Их нельзя назвать богатыми, известными. Их никто не знает, я встретил их случайно. Они по-белорусски скромны и неприметны, амбициозных целей перед собой не ставят.

На отечественной орбите -- self-made белорус. Впереди Николай-ведущий, следом Николай-ведомый.

2004

www.kamunikat.org